

К ВОПРОСУ ОБ ИЗБРАНИИ ПРЕЕМНИКА МИТРОПОЛИТА ИОНЫ В 1461 г.

Фактическая автокефалия¹ (самоуправление) Русской церкви была установлена в 1448 г. в результате вступления Греческой церкви в унию с Римской церковью на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг. Непростое для епископата русской церкви и светских властей Руси решение было принято в условиях продолжающегося внутреннего кризиса великого княжения Московского, связанного с борьбой за престолонаследие. В связи с Флорентийской унией встал вопрос об отношениях Русской церкви и Константинопольского патриархата. Через 9 лет после заключения Флорентийской унии в Москве решились поставить митрополита собором русских епископов. Им стал епископ рязанский и муромский Иона² — один из видных церковных и политических деятелей середины XV в. Занимая в течение более чем 12 лет место предстоятеля Русской церкви и будучи одним из ближайших сподвижников великого князя Василия II Васильевича, Иона непосредственно принимал участие во многих политических событиях и оказывал на них существенное влияние.

На время его первосвятительства приходятся как многие драматичные события политической истории середины XV в. — феодальная война, татарские нашествия, так и крупные события в жизни Русской митрополии — установление фактической автокефалии Русской церкви и разделение митрополии Киевской и всея Руси на Киевскую и Московскую. Это во многом определило то неослабевающее внимание, которое исследователи уделяли рассматриваемому периоду и фигуре митрополита Ионы. Непростые обстоятельства, в которых протекала его церковно-политическая деятельность, вызывали и вызывают споры в исторической литературе. Одним из спорных вопросов является вопрос о каноничности процедуры избрания преемника митрополита Ионы.

---

¹ Троицкий С. В. О церковной автокефалии // Журнал Московской патриархии. 1948. № 7.

² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 270; СПб., 1851. Т. 5. С. 269; Пг., 1921. Т. 24. С. 184—185; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 208; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 261.

В 1461 г., в связи с ухудшением состояния здоровья митрополита Ионы, епископатом митрополии и правящими кругами великого княжества Московского было принято решение об обеспечении преемственности православного первосвященства в управлении митрополией посредством избрания преемника стареющему митрополиту. Уния как соединение крупных церковных организаций — восточных патриархатов и Римской церкви — потерпела неудачу. Появление в западнорусских землях митрополита-униата Григория стало не возрождением унии, а завоеванием папством чужих канонических территорий, так как иерархи-греки, ранее бывшие членами клира Константинопольского патриархата, сейчас фактически представляли исключительно римскую курию. При этом важно оценить, насколько реальна была угроза распространения власти римской курии на восточно-русские земли? Представляется, что, как и в более ранний период, когда в Москве отказались принять унию, проникновение папства на территории, подвластные великому князю московскому, можно было предотвратить политическими средствами. Однако в целом внешнеполитическая обстановка была тревожной. Длительная смута на московском великом княжении, повлекшая ослабление государства, падение Константинополя и бедственное положение его патриархии, неурегулированность отношений с Константинопольским патриархом, политические амбиции Литвы — все это могло вызывать тревогу и желание обеспечить преемственность православных иерархов на московском митрополичьем столе.

Очевидно, что вопрос о преемнике митрополита всегда вызывал живой интерес как у епископата, так и у светских властей. Проведение кулуарных переговоров о кандидатуре будущего митрополита не подлежит сомнению. Чем же было вызвано введение формальной процедуры избрания преемника?

Практика благословения преемника действующим митрополитом в митрополии Киевской и всея Руси была известна и ранее, но происходило это при совершенно иных канонических обстоятельствах для Русской церкви и не сопровождалось особыми формальными процедурами.

Е. В. Белякова³ и Б. А. Успенский,⁴ рассматривая вопрос о самой возможности получения благословения на занятие митрополии при здравствующем митрополите, указывают на то, что подобная практика существовала в отношении митрополии Киевской и всея Руси, чему имеются письменные свидетельства. Например, литовская часть митрополии была обещана митрополиту Пимену, «если же митрополит Малой Руси и Литвы Киприан скончается прежде него».⁵ Эти сведения источника — соборного определе-

³ Белякова Е. В. Учреждение автокефалии Русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика: IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29—31 мая 1989 г.). М., 1995. С. 293.

⁴ Успенский Б. А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 248.

⁵ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Приложение. № 30. Стб. 184.

ния — представляют особую ценность как отражающие практику византийских властей. Согласно Житию митрополита Алексия, митрополит Феогност отправлял его в Константинополь за разрешением быть митрополитом после Феогноста,⁶ а в настольной грамоте митрополиту Алексию также сообщается о ходатайстве за него митрополита Феогноста.⁷ Согласно позднему памятнику — Житию архиепископа новгородского Ионы — епископу Ионе дано было благословение константинопольского патриарха еще при жизни митрополита Фотия. В Житии также сообщаются более невероятные вещи, которые не известны из других источников — «ради лукавства Митяева» решено было избирать преемника митрополиту еще при его жизни.⁸

Приведем сообщения источников об избрании митрополитом Ионой преемника. Антилатинское полемическое произведение «Слово от святых писаний еже на латыню» сообщает, что митрополит Иона, «не мало поболел, и тако богодуховне благословяше в свое место дрѣжати». Далее, как представляется по содержанию текста, в Слове приводится переработанный фрагмент либо благословенной грамоты митрополита Ионы, которая, как известно, была положена на престол в Успенском соборе, либо настольной грамоты митрополиту Феодосию, выданной ему после поставления собором епископов, что маловероятно, так как о существовании подобной грамоты ничего не известно: «Настолование и правление святыя великыя церкви Руских земель великие митрополюи, еже о Святем Дусе брату и сослужебнику смирения моего, Феодосию архиепископу бывшу Ростовьскому и Ярославскому, еже по нем блюсти и пещися святыми церквами и добре управляти и пасти богоизбранное Христово стадо словесных овец». Далее следует обращение митрополита Ионы к московским властям: «О сих же моля и прося, благословяше богодуховне сынов своих, боговенчанного Василья царя всея Руси и боговълюбленных сынов его, и приказывая им сице повелеваша: „Да в место мое, рече, будет вам, сынове, благословен Феодосий архиепископ и съвершен митрополитом на Рускую землю“. Ежели бысть Божию благодатью по благословению его». Затем следует сообщение о кончине митрополита Ионы и обретении грамоты с благословением преемника: «Егда же бысть по отшествии его еже к Богу, и обретоша грамоту его написану о благословении Феодосия архиепископа на место его великого Руских земель митрополюи». Этот памятник интересен прежде всего тем, что, возможно, сохранил для нас фрагмент грамоты Феодосию.

По мнению Б. А. Успенского, рассматриваемый памятник «представляет дело так, будто бы грамота была написана Ионой тайно и обретена после его

⁶ Житие митрополита Алексия // ОЛДП. М., 1877. Вып. IV. Ч. I. С. 48—49.

⁷ РИБ. Т. 6. Приложение. № 9. Стб. 44.

⁸ ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 358. Известие о поставлении митрополита Ионы в Житии архиепископа Ионы представляет безусловный интерес, так как в нем поясняется даже такое обстоятельство, как заблаговременное поставление Ионы в епископы с той целью, чтобы он имел возможность сразу же приступить к управлению митрополией после смерти митрополита.

смерти». В связи с таким пониманием текста, исследователь предположил, что, «возможно, автор „Слова...“ отдавал себе отчет в канонической неправомерности этого шага».⁹ С нашей точки зрения, использование слова «обретоша» в данном контексте не отражает ситуацию, когда о существовании грамоты и ее содержании не было известно епископату и московским властям, о чем свидетельствуют другие источники.

Самый ранний источник, сообщающий о благословении преемника, — повольная грамота епископа тверского Геннадия¹⁰ на поставление в митрополиты того, «кого Бог избрет и благодать Святого Духа, и отец наш, святейший митрополит».¹¹ Грамота была составлена после 22 марта (дата поставления Геннадия в епископы), но до 31 марта 1461 г. — дня кончины митрополита Ионы. Геннадию известно лишь о намерении благословить кандидата. В списке повольной грамоты из формулярника ГИМ, Увар. собр., 512 сохранились имена двух из присутствовавших на соборе епископов — новгородского архиепископа Ионы и ростовского архиепископа Феодосия. Следовательно, подобную грамоту должен был дать перед отъездом из Москвы и новгородский архиепископ Иона.

Следующий по времени документ — послание малого собора русских епископов тверскому епископу Геннадию¹² — рассказывает как о событиях, предшествовавших собору, так и о соборном решении относительно кандидатуры преемника. Как следует из послания, решение о благословении преемника принималось в следующем порядке: великий князь «познал отца своего митрополита немощ», созвал епископов; митрополит, епископы и великий князь «поговорили» о возможности избрания преемника. Как представляется, здесь отразился первый этап принятия решения. Когда о намерении благословить преемника стало известно официально, была составлена повольная грамота епископа тверского Геннадия, дав которую, епископ отправился в Тверь.

Далее, согласно посланию, митрополит Иона, «рассудив по божественным и священным правилом», «обговорил» с князем и епископами, «избрал и благословил» преемника, что и было зафиксировано в грамоте и послании. Решение было принято митрополитом и пятью епископами при участии великого князя Василия II. Трое епископов присутствовали лично — это Филипп Суздальский, Ефросин Муромский и Рязанский и Геронтий Коломен-

⁹ Успенский Б. А. Царь и патриарх. С. 50, примеч. 37.

¹⁰ Формулярный извод повольной грамоты [Тверского] епископа [Геннадия] освященному собору Московской митрополии с присягой о непризнании униата Григория и других будущих «латынских» ставленников [Москва. 1461 г., марта 22—31]. (Опубл.: АИ. СПб., 1836. Т. 1. № 274. С. 506; ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 12. С. 11—12; РИБ. Т. 6. № 92. Стб. 683—684; РФА. Вып. 1. № 31. С. 142—143.)

¹¹ РФА. М., 1986. Вып. 1. № 31. С. 142.

¹² Формулярный извод послания малого собора («совета») русских владык тверскому епископу Геннадию о вызове его в Москву на заседание освященного собора Московской митрополии для избрания на митрополичий стол [Ростовского архиепископа Феодосия Бывальцева. Москва. 1461 г., марта 31—мая 3]. (Опубл.: АИ. Т. 1. № 69. С. 121; РИБ. Т. 6. № 93. Стб. 685—688; РФА. Вып. 1. № 8. С. 78—79.)

ский. Новгородский архиепископ Иона и пермский епископ Иона прислали повольные грамоты.

Собор, избравший преемника, состоялся после 22 марта 1461 г. и после составления епископом Геннадием повольной грамоты, но до кончины митрополита 31 марта 1461 г.

Архиепископ Феодосий не значится среди присутствующих на соборе, имя его как получившего благословение было опущено в результате формулярной обработки, но в тексте послания осталось определение, позволяющее судить о мотивировке избрания именно этого кандидата: митрополит благословил «старейшего имярек архиепископа или епископа на свое место, да и грамоту свою благословеную на его имя в святей велицей зборной церкви Пречистые Богоматери за своею подписью и печатью на престоле положил», т. е. митрополит Иона считал необходимым при выборе преемника опереться на авторитет Феодосия как старейшего из епископов. Видимо, в данном случае речь идет о том, что Феодосий возглавлял старейшую кафедру. Следует сказать, что выбор митрополитом Ионой кандидата был, видимо, продиктован не только указанным обстоятельством. Архиепископ ростовский Феодосий, как упоминалось ранее, был духовником Софьи Витовтовны, т. е. близким к великокняжеской семье человеком. Кроме того, как показали обстоятельства, в результате которых Феодосий был принужден покинуть кафедру, — недовольство священников, которых новый митрополит, как сообщает Софийская II летопись, попытался «нужею навести на Божий путь: нача их на всяку неделю сзывать их и учити по святым правилом»¹³ — он стремился в это непростое для Русской церкви время быть требовательным к клиру, что соответствовало линии митрополита Ионы, который уделял большое внимание канонической дисциплине.

После кончины митрополита благословение, зафиксированное в грамоте, стало официальным актом волеизъявления покойного митрополита, которое можно было предъявить на соборе епископов или использовать, например, в официальной переписке. Как сообщает то же послание собора епископов Геннадию Тверскому, с грамоты митрополита Ионы был сделан список и направлен тверскому епископу Геннадию вместе с посланием.

Б. А. Успенский, говоря о неканоничности назначения преемника митрополитом Ионой, ссылается на 76-е апостольское правило, а также на 23-е правило Антиохийского собора (341 г.), согласно которым епископу не разрешается поставять себе преемника.¹⁴ Однако в данном случае ссылка на ука-

¹³ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 186. Митрополит вызвал недовольство населения тем, что препрещал в служении священников, недостойных носить сан. Реакция паствы глубоко расстроила Феодосия, он заболел, сложил с себя сан, а когда выздоровел, взял в свою келью в Чудовом монастыре расслабленного, чтобы ухаживать за ним. Рассказ Софийской II составлен, видимо, близким и сочувствующим Феодосию человеком, но сама попытка нового митрополита столь ревностно относиться к своим обязанностям говорит о многом. Феодосий, будучи архиепископом, сам испытал гнев митрополита Ионы, который хотел снять с него сан за нарушение поста в навечерие праздника Богоявления (РФА. Вып. 1. № 41. С. 165—167).

¹⁴ Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. М., 1876 (М., 2000). С. 152—155; Правила святых поместных соборов с толкованиями. М., 1880 (М., 2000). С. 198—200.

занные правила не корректна, так как в них речь идет, во-первых, о поставлении в епископы, а не в митрополиты; во-вторых, речь идет о родственниках епископа, хотя в толкованиях говорится и о других лицах; в-третьих, правила говорят именно о поставлении, а не о благословении преемника.

Несмотря на то, что благословение преемника посредством специальной грамоты было несомненной новацией, но за этой непривычной формой стояло соборное избрание преемника («и с нами, с своими богомольци, избрал и благословил на тот превеликий степень святительства»)¹⁵.

Свои действия митрополит Иона основывал, согласно посланию, на «божественных и священных правилах». К сожалению, в послании не сказано, о каких правилах идет речь.¹⁶

Грамота, подписанная митрополитом, скрепленная его печатью и положенная на престол в Успенском соборе, хоть и отразила мнение собора епископов, но была составлена от имени одного митрополита Ионы и, следовательно, не являлась соборным решением о наречении митрополита.

Возможно, Иона хотел таким способом, с одной стороны, обеспечить преемственность в управлении митрополией, а с другой стороны, выполнить указание правил — не рукополагать самому преемника.

Другая группа документов, также освещающих этот вопрос и относящихся к рассматриваемому периоду, ничего не говорит о благословении митрополитом преемника. Наиболее ранний документ в этой группе — рассмотренная ранее присяжная грамота епископов митрополиту Ионе.¹⁷ В грамоте, составленной еще при жизни митрополита Ионы, сперва цитируется прежнее обещание епископов, данное ими при поставлении, которое состоит из двух частей: 1) обещания быть неотступными от действующего митрополита (в этой части текста обстоятельств его поставления грамота не раскрывает); 2) обещания быть верными его преемнику, который будет поставлен «по избранию Святого Духа и по святым правилом святых апостол и святых отец, и по повелению господина нашего, великого князя имярек <...> в той зборной церкви Святые Богородицы на Москве на той великий престол у

¹⁵ РФА. Вып. 1. № 8. С. 78.

¹⁶ Процедура избрания кандидата или кандидатов на Русскую митрополию при традиционном порядке избрания митрополита константинопольским патриархом не нашла своего отражения в кодексе канонических правил. Некоторые сведения по интересующему нас вопросу можно найти, например, в настольной грамоте патриарха Филофея митрополиту Алексию, которая сообщает об обычном порядке поставления митрополитов на Русь. Патриарх стремился «найти и избрать из числа клириков <...> Константинополя мужа, славного добродетелью, отличающегося силою слова, сведущего в канонах и искусного в благочестивых [гражданских] законах, и, поставив его в архиереи, послать туда на доброе и достойное пастырское служение» (РИБ. Т. 6. Приложения. № 9. Стб. 44). Из приведенной цитаты не ясно, избирался ли кандидат в епископы (в митрополиты ставили обыкновенно не из епископов, а из священноиноков), как определяет бытовавший на Руси Устав о поставлении епископа (РИБ. Т. 6. № 52. Стб. 442–443), из трех кандидатов. Даже если кандидата ставили, не избирая его из трех наиболее достойных, то в имеющихся в нашем распоряжении источниках все же нет сведений о какой-либо формальной процедуре его избрания.

¹⁷ РФА. Вып. 1. № 14. С. 92.

гроба святого Петра». В конце грамоты епископы опять присягают в верности действующему митрополиту. В этой части текста грамоты присяга также состоит из двух частей. В первой части, в целом по содержанию повторяющей данное ранее обещание, связанное с поставлением преемника, исключая клаузулу о поставлении митрополита по повелению великого князя, епископы присягают действующему митрополиту (т. е. раскрываются условия его поставления), а во второй части, где речь идет о преемнике, не повторяются клаузулы о поставлении по святым правилам и повелению великого князя, а лишь о поставлении преемника «в зборной церкви Святыя Богородици на Москве, у гроба святого чудотворца Петра, митрополита русского».

Другой документ — присяжная грамота тверского епископа Геннадия,¹⁸ сохранившаяся также в виде формулярного извода,¹⁹ была составлена после сорокового дня со времени кончины митрополита Ионы, т. е. не ранее 10 мая.²⁰ Структура грамоты сходна со структурой рассмотренной выше присяжной грамоты епископов. В этой грамоте во вторую часть первой присяги, сообщающей об основаниях поставления преемника, добавлены клаузулы о единстве «о всяком православном деле» с другими епископами и об участии «братии» великого князя в избрании митрополита. Последняя клаузула не содержит ничего нового,²¹ так как о роли «благородных и благоверных князей русских» говорилось и в источниках, описывающих избрание и поставление митрополита Ионы.²² Обе указанные выше присяги говорят о непризнании митрополитом Григория Болгарина. В целом, несмотря на некоторые отличия в текстах присяг, имеющиеся в рассматриваемых документах, они отражают сходные представления об основаниях для поставления митрополита. Избрание кандидата происходит с участием светских властей и епископата, а затем епископы ставят избранного митрополитом.

Как видно из приведенного примера, текст присяги не был строго фиксирован, т. е. не состоял из определенного числа клаузул, таким образом, отсутствие какой-либо клаузулы, например, о повелении великого князя, как нам представляется, не может быть свидетельством того, что епископы сочли его участие в избрании митрополита нежелательным. В этом отноше-

¹⁸ Присяжная грамота тверского епископа Геннадия Кожина митрополиту Феодосию и освященному собору Московской митрополии о верности московскому митрополиту и о непризнании митрополитом униата Григория, находящегося в Литве [Москва. 1461 г., мая 10—1461 г., июля 8]. РИБ. Т. 6. № 94. Стб. 687—690.

¹⁹ Формулярный извод присяжной грамоты [Тверского епископа Геннадия Кожина и новгородского архиепископа Ионы] митрополиту [Феодосию] и освященному собору Московской митрополии о верности московскому митрополиту и о непризнании митрополитом униата Григория, находящегося в Литве [Москва. 1461 г., мая 10—1461 г., июля 8]. РФА. Вып. 1. № 55. С. 194—195. Этот формулярный извод А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко атрибутировали также и архиепископу новгородскому Ионе.

²⁰ Митрополит назван в грамоте приснопамятным, что не могло быть сделано ранее сорокового дня, так как в этом случае умерший считается новопреставленным.

²¹ А. И. Плигузов счел упоминание о роли князей «изменением, произошедшим за два с половиной года» (РФА. М., 1992. Вып. 5. С. 1007).

²² См., например, духовную грамоту митрополита Ионы. РФА. М., 1987. Вып. 3. № 23.

нии нельзя согласится с А. И. Плигузовым. Сравнивая присяжную и повольную грамоты, которые отвечают разным целям и имеют разные формуляры, на основании отсутствия подобной клаузулы о роли великого князя в поставлении митрополита, например, в повольной грамоте епископа тверского Геннадия, и наличия клаузулы о роли великокняжеской братии в присяжной того же Геннадия и, как предполагал А. И. Плигузов, в присяжной архиепископа новгородского Ионы, исследователь сделал выводы относительно их представлений об основаниях для избрания нового митрополита. Как нам кажется, в данном случае, источники не дают оснований говорить о неких новых «претензиях» великокняжеской власти, которые встретили «серьезные возражения» в Твери и в Новгороде.²³

Как же соотносятся две рассмотренные группы документов в части изложения оснований для поставления нового митрополита? Важно учесть, что хронологически присяжные грамоты как бы обнимают весь хронологический период, в который были созданы рассматриваемые документы, т. е. принципиальных изменений в подходах к поставлению митрополита не произошло. Как представляется, объем сведений об основаниях для избрания кандидата определяется характером документа и существовавшими в то время его формулярами. Для повольных грамот не было характерно подробное изложение оснований для поставления, так как они были отражены в присяжных грамотах. Возникает вопрос, почему во второй присяжной грамоте не нашла отражение такая новация, как благословение преемника еще здравствующим митрополитом? С нашей точки зрения, акт благословения не вносил никаких принципиальных изменений в процесс избрания и поставления нового митрополита, так как действующий митрополит благословлял преемника не иначе как «поговорив» с епископами и великим князем. Так же избирали кандидата в митрополиты и в Литве, но там его отправляли на поставление в Константинополь. Возможно, формальный акт благословения преемника отвечал представлениям об иерархичности церковной власти.

Можно ли расценивать благословение преемника как нарушение канонических норм? Как было сказано ранее, с одной стороны, в Константинополе избрание и поставление в митрополиты на Русь производилось через епископскую хиротонию, так как поставляемые не были епископами, с другой стороны, нет данных, были ли они избираемы из трех кандидатов, как это предполагалось при поставлении епископа. В случае с митрополитом Исидором можно сказать с большой долей уверенности, что кандидат был один. Для Русской церкви принципиальные изменения в порядке поставления митрополита возникли в результате отказа от Флорентийской унии в Москве и временного прекращения канонических отношений с Константинопольским патриархатом. Благословение преемника, хоть и явилось новацией, но не противоречило основным положениям, установившимся в результате поставления митрополита Ионы.

²³ См.: РФА. М., 1988. Вып. 4. С. 917.